

Рабочая одежда шахтёра — «Вторая кожа горняка»

Я — рабочая одежда шахтёра, его «вторая кожа». В витрине нашего музея висит моя куртка и брюки из плотной тёмной ткани, потёртые на сгибах рукавов и коленей. Я не похожа на парадный мундир с блестящими пуговицами — я скромна и сурова, как и сама работа под землёй. Но именно я каждый день защищала горняка от ударов, холода, сырости и угольной пыли, оставаясь с ним в самые трудные минуты.

Моё рождение: от фартука к спецкостюму

В древности у рудокопов не было специальной одежды — они спускались под землю в том, что имели, лишь повязывая сверху грубый фартук. Но с развитием горного дела пришло понимание: обычная рубаша не защитит от острых камней и подземной сырости. Уже в Средние века в Европе у горняков появились особые куртки, а позже — кожаные фартуки и наколенники. В России первую настоящую спецодежду для шахтёров начали разрабатывать в советское время, когда государство взялось за охрану труда всерьёз. Именно тогда появились костюмы, сшитые специально для работы в забое. В 1926 году вышло первое постановление о нормах спецодежды, и с тех пор ни один горняк не спускался в шахту без меня.

Из чего я сделана и как защищала хозяина

Меня шили из прочных, носких тканей — хлопка с добавлением синтетики, чтобы я «дышала», но при этом не рвалась от малейшего прикосновения к породе. Для сухих забоев я была просто курткой и брюками. Для холодных и сырых выработок меня утепляли жилетом, а голову защищал подкасник. Если же шахта была мокрой, в дело шла прорезиненная водонепроницаемая одежда с капюшоном. У меня нет лишних деталей, способных зацепиться за механизмы, зато есть крепкие швы и усиленные накладки на самых уязвимых местах — локтях и коленях. ГОСТ строго следил за моим качеством, ведь от меня зависела жизнь.

Судьба, пропитанная углём и потом

Я помню всё: как хозяин поправлял на мне ворот перед спуском в клетку, как я намокала от подземной воды и высыхала прямо на плечах во время короткого перерыва. Я чувствовала напряжение каждой мышцы, когда забойщик вгрызался киркой в угольный пласт. На мне оседала чёрная пыль, которую не отстирать до конца даже в горячей воде — эти въевшиеся следы так и остаются на ткани навсегда. Но самое важное воспоминание — это номер на моём воротнике или на жетоне, приколотом к груди. В некоторых шахтах каждый горняк получал свой номер, чтобы по окончании смены отметить на поверхности. Если номер оставался висеть невостребованным — это означало беду. Я была не просто тканью, а частью системы безопасности, где каждая деталь имела значение.

Сегодня я нахожусь в музее школы № 16 города Новошахтинска — и это моё законное место. Новошахтинск вырос на угле, его улицы и судьбы неразрывно связаны с шахтами. Почти у каждого ученика, кто приходит посмотреть на меня, мой собрат-костюм оберегал отца, деда или прадеда под землёй. Я помню, как горели лампочки в штреках и как дрожала порода от далёких взрывов. Хотя я больше не спускаюсь в забой, я продолжаю служить — теперь уже как хранитель памяти. Я рассказываю вам, молодым, о том, что значит быть шахтёром: человеком огромной выдержки и мужества. Пока я здесь, в стенах вашей школы, жива история ваших семей и всего шахтёрского Новошахтинска.